

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о рассмотрении жалобы Ногоева Акынбека Кубатбековича,
представляющего интересы Буркуткалиева Хусейна Буркуткалиевича,
на определение коллегии судей Конституционного суда
Кыргызской Республики от 25 марта 2026 года

15 мая 2026 года

город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осмонбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Жолдошевой Л.Ч., Кыдыралиевой Б.А., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Жанышбековой Н.Ж., руководствуясь частью 5 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании жалобу Ногоева Акынбека Кубатбековича, представляющего интересы Буркуткалиева Хусейна Буркуткалиевича, на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 25 марта 2026 года.

Исследовав доводы, изложенные в жалобе, и материалы по ходатайству Ногоева А.К., представляющего интересы Буркуткалиева Х.Б., выслушав информацию судьи Айдарбековой Ч.А., Конституционный суд Кыргызской Республики

УСТАНОВИЛ:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 24 февраля 2026 года поступило обращение Ногоева А.К., представляющего интересы Буркуткалиева Х.Б., о проверке соответствия положений Приложения 3 «Критерии определения размеров наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов» к постановлению Кабинета Министров Кыргызской Республики от 26 марта 2025 года №152 «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах, подлежащих контролю в Кыргызской Республике» (далее – Критерии), а именно положений примечаний, предусматривающих расчет совокупного размера различных веществ через процентную шкалу 100% – 3000% – свыше 3000%, и освобождение от необходимости установления количества контролируемого вещества и массы экстрагируемого вещества по отдельным видам препаратов частям 1, 2, 5 статьи 6, части 1 статьи 29, статье 55, частям 1-5 статьи 56, частям 1-4 статьи 57, частям 1, 3, 4 статьи 59, частям 1, 2 статьи 61 и частям 4, 5 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

Как следовало из ходатайства, заявитель считал, что оспариваемые положения противоречат вышеуказанным конституционным положениям, поскольку допускают привлечение лица к уголовной ответственности без установления объективных количественных характеристик контролируемого вещества, создают возможность произвольного применения уголовного закона, нарушают принципы правовой определенности, презумпции невиновности, индивидуализации ответственности и соразмерности наказания.

В обоснование своих доводов заявитель указывал, что постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 26 марта 2025 года №152 введены новые критерии уголовно-правовой оценки деяний, отсутствовавшие в ранее действовавшем постановлении Правительства Кыргызской Республики от 9 ноября 2007 года № 543. Оспариваемые нормы фактически устраняют обязанность органов следствия и суда устанавливать массу либо концентрацию контролируемого вещества, что повлияло на квалификацию

деяния и объем уголовной ответственности. Такие изменения произведены подзаконным нормативным правовым актом, а не законом, что, по мнению заявителя, противоречит статьям 6, 56 Конституции, закрепляющим принцип верховенства Конституции, требования правовой определенности и недопустимости введения новых оснований уголовной ответственности подзаконным регулированием.

В частности, заявитель указывал, что использование «процентной шкалы» для определения совокупного размера различных веществ не позволяет установить объективные критерии уголовной ответственности и создает возможность привлечения к ответственности при отсутствии доказанного количества психоактивного вещества, способного вызвать наркотическое воздействие. Допустимое оспариваемыми нормами освобождение следственных органов и судов от обязанности устанавливать массу либо концентрацию контролируемого вещества, исключает возможность достоверного определения степени общественной опасности деяния, что, в свою очередь, препятствует индивидуализации уголовной ответственности и наказания. В этой связи субъект обращения ссылался на противоречие оспариваемых положений статьям 55, 56 Конституции, гарантирующим защиту прав и свобод человека, а также запрещающим принятие актов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина.

В ходатайстве отдельно подчеркивалось, что оспариваемое правовое регулирование допускает привлечение лица к уголовной ответственности исключительно по факту обнаружения следовых либо микроскопических количеств вещества без установления содержания действующего компонента. По мнению заявителя, это создает ситуацию, при которой одинаковая уголовная ответственность может наступать как за наличие незначительных следов вещества, так и за хранение либо сбыт значительных партий наркотических средств, что нарушает принцип соразмерности наказания и справедливости.

Кроме того, заявитель полагал, что положения примечаний создают предпосылки для необоснованного расширения незаконного оборота наркотических средств, поскольку отсутствие необходимости определения концентрации активного вещества позволяет искусственно увеличивать объем смеси без изменения уголовно-правовой квалификации.

Заявитель также считал, что оспариваемые положения нарушают конституционные гарантии презумпции невиновности и права на судебную защиту, закрепленные статьями 57, 61 Конституции. По его мнению, исключение необходимости установления количества и концентрации вещества фактически лишает обвиняемого возможности оспаривать объективную сторону состава преступления, а суд — возможности осуществлять полноценный судебный контроль за обоснованностью обвинения. Подобное правовое регулирование приводит к смещению бремени доказывания на обвиняемого, поскольку лицо вынуждено самостоятельно опровергать наличие состава преступления, что противоречит принципу презумпции невиновности, согласно которому обязанность доказывания вины возлагается на сторону обвинения.

Как следует из материалов обращения, поводом для подачи ходатайства послужило рассмотрение уголовного дела в отношении Буркуткалиева Х.Б., признанного виновным по эпизодам, связанным со сбытом психотропных веществ. В ходатайстве указывалось, что по делу были проведены судебно-химические экспертизы, установившие наличие таких веществ (alpha-PVP и 4-СМС (хлорметкатион, клефедрон)), однако количество действующего вещества в уголовном судопроизводстве не определялось ввиду действия оспариваемых положений. По мнению заявителя, именно отсутствие требования об установлении массы вещества повлияло на квалификацию деяния и объем уголовной ответственности заявителя.

Также заявитель ссылался в своем обращении на несоответствие оспариваемого правового регулирования международным обязательствам Кыргызской Республики, вытекающим из Международного пакта о

гражданских и политических правах, Конвенции ООН против пыток, а также международных конвенций ООН о контроле над наркотическими средствами и психотропными веществами. По мнению Ногоева А.К., международные стандарты предполагают необходимость учета чистой массы активного вещества, а не общей массы смеси вещества.

На основании изложенного заявитель просил признать неконституционными оспариваемые нормы в той мере, в какой они допускают определение совокупного размера различных веществ посредством процентной шкалы, а также освобождают от обязанности установления количества контролируемого вещества и массы экстрагируемого вещества.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 25 марта 2026 года в принятии к производству обращения Ногоева А.К. в интересах Буркуткалиева Х.Б., было отказано.

Коллегия судей в своем определении отметила, что специальное регулирование оборота наркотических средств и психотропных веществ обусловлено их повышенной опасностью для жизни и здоровья человека, а также необходимостью обеспечения общественной безопасности. Такой подход к правовому регулированию согласуется с международно-правовыми обязательствами Кыргызской Республики, вытекающими из Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года, Конвенции о психотропных веществах 1971 года и Конвенции ООН 1988 года о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Международно-правовые акты распространяют меры контроля не только на чистые вещества, но и на содержащие их смеси и препараты, а также допускают принятие государствами более строгих мер контроля, необходимых для охраны здоровья и благополучия населения.

Кроме того, коллегия судей указала, что Закон Кыргызской Республики «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах», а также примечания к статьям 282, 284 Уголовного кодекса

Кыргызской Республики прямо предусматривают полномочие Кабинета Министров Кыргызской Республики по утверждению перечней контролируемых веществ и критериев определения их размеров, имеющих значение для квалификации деяний. Следовательно, постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 26 марта 2025 года №152 принято во исполнение законодательного регулирования и в пределах предоставленных полномочий.

При этом коллегия судей, ссылаясь на правовые позиции органа конституционного контроля, выраженные в его решениях, подчеркнула, что подзаконное нормативное регулирование допустимо лишь постольку, поскольку оно направлено на реализацию закона и не вводит самостоятельных ограничений прав и свобод, не предусмотренных законом. В рассматриваемом случае оспариваемые положения были оценены как направленные на обеспечение эффективного государственного контроля в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, а также на формирование устойчивого и предсказуемого правового режима, способного адекватно реагировать на существующие социальные и медицинские риски, связанные с их распространением.

Исходя из изложенного, коллегия судей пришла к выводу, что оспариваемые положения Критериев не могут рассматриваться как произвольные либо создающие правовую неопределенность.

Ногоев А.К., представляющий интересы Буркуткалиева Х.Б., не согласившись с определением коллегии судей, 13 апреля 2026 года обратился с жалобой в Конституционный суд Кыргызской Республики.

В своей жалобе заявитель указывает, что определение коллегии судей является, по его мнению, необоснованным, поскольку вынесено при неправильном понимании сущности доводов его обращения, неверном применении принципа правовой определенности и фактической подмене стадии разрешения вопроса о принятии обращения к производству и

рассмотрением дела по существу, поскольку вместо проверки наличия формальных условий допустимости обращения и установления наличия конституционно-правового вопроса, коллегия судей фактически дала оценку конституционности оспариваемых положений.

Заявитель считает, что коллегия судей ограничилась декларативным выводом об отсутствии правовой неопределенности, не дав надлежащей правовой оценки поставленным в обращении вопросам. По мнению заявителя, отсутствие ответов на указанные вопросы свидетельствует не об отсутствии правовой неопределенности, а, напротив, подтверждает наличие неоднозначности нормы и возможности ее произвольного применения. При этом заявитель ссылается на правовые позиции органа конституционного контроля, согласно которым принцип правовой определенности предполагает ясность, точность, недвусмысленность и единообразное понимание правовых норм.

Ногоев А. также считает необоснованным вывод коллегии судей о формальном несоответствии обращения требованиям пункта 1 части 3 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики». По его мнению, в определении не указано, какие именно требования к форме и содержанию обращения были нарушены и каким образом это препятствовало принятию обращения к производству.

Автор жалобы повторно приводит доводы, изложенные в первоначальном обращении, считая их ясными и аргументированными, указывающими на правовую неопределенность оспариваемой нормы.

С учетом изложенного Ногоев А. просит отменить обжалуемое определение коллегии судей и принять обращение к производству.

Конституционный суд Кыргызской Республики, обсудив доводы заявителя, содержание обжалуемого определения коллегии судей и представленные материалы, приходит к следующим выводам.

1. Стадия разрешения вопроса о принятии обращения к производству имеет самостоятельное конституционно-процессуальное назначение. На

данной стадии Конституционный суд не подменяет последующее рассмотрение дела по существу, однако обязан установить, содержит ли обращение такой конституционно-правовой вопрос, который объективно ставит под сомнение соответствие оспариваемого нормативного регулирования Конституции и потому требует осуществления конституционного контроля.

В силу конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» обращение должно отвечать требованиям, предъявляемым к его форме, содержанию, субъектному составу и порядку подачи. Эти требования не являются формальностью: они направлены на то, чтобы конституционное судопроизводство инициировалось не всякий раз при несогласии лица с нормативным регулированием либо с его применением в конкретном деле, а лишь тогда, когда из обращения следует наличие реальной неопределенности в вопросе конституционности нормативного правового акта.

Пункты 8 и 9 части 4 статьи 27 указанного конституционного Закона предполагают, что заявитель должен изложить собственную правовую позицию и привести такое обоснование, которое в системной связи с положениями Конституции показывает наличие сомнения именно в конституционности оспариваемого регулирования. Данное требование вытекает из презумпции конституционности нормативных правовых актов и из предназначения конституционной юстиции как средства проверки нормативного содержания, а не пересмотра фактических обстоятельств дела, правильности экспертных выводов либо законности индивидуальных правоприменительных решений.

Конституционно-правовая неопределенность имеет место тогда, когда из содержания нормы либо из ее места в системе действующего права усматривается объективно выявляемое сомнение в ее соответствии Конституции: неопределенность пределов правового регулирования, возможность неоднозначного понимания самой нормы, риск произвольного

ограничения конституционных прав непосредственно вследствие ее нормативного содержания. Напротив, доводы о неправильном применении нормы, неполноте доказывания, ошибочной квалификации деяния, недостаточности экспертного исследования либо несогласии с выбранной законодателем моделью регулирования сами по себе не образуют предмета конституционного судопроизводства.

2. Заявитель связывает неконституционность оспариваемых примечаний к Критериям с тем, что они, по его мнению, допускают определение размера наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов без установления количества действующего вещества, тем самым создавая риск произвольного привлечения к уголовной ответственности, нарушения презумпции невиновности, индивидуализации ответственности и соразмерности наказания.

Указанные доводы заслуживают внимания в той части, в какой они обращены к вопросам качества экспертного исследования, доказывания по уголовному делу, административной реализации технических критериев, а также возможной необходимости дальнейшего совершенствования соответствующего регулирования. Вместе с тем само наличие таких вопросов еще не означает, что оспариваемое постановление Кабинета Министров содержит самостоятельное ограничение конституционных прав либо вводит новые основания уголовной ответственности. Для целей конституционного судопроизводства решающим является не абстрактная дискуссионность избранной модели, а наличие либо отсутствие в ней нормативного содержания, непосредственно противоречащего Конституции.

3. Оспариваемое постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 26 марта 2025 года № 152 принято не в порядке первичного и самостоятельного нормативного усмотрения исполнительной власти, а во исполнение законодательного регулирования. Закон Кыргызской Республики «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах», а также примечания к статьям 282 и 284 Уголовного кодекса

Кыргызской Республики предусматривают полномочие Кабинета Министров утверждать перечни контролируемых веществ и критерии определения их размеров, имеющие значение для применения уголовного закона и законодательства о правонарушениях.

Тем самым законодатель сам определил предмет, цель и пределы подзаконной конкретизации. Уголовная противоправность деяния, состав преступления, виды и пределы наказания устанавливаются Уголовным кодексом, тогда как оспариваемые Критерии выполняют вспомогательную, технически-конкретизирующую функцию: они переводят законодательную конструкцию в применимые количественные параметры, необходимые для единообразного правоприменения. Следовательно, оспариваемое постановление не является источником самостоятельной уголовной ответственности и не изменяет конституционно значимые условия привлечения лица к ответственности вне закона.

Конституция не исключает подзаконного регулирования в сферах, где закон по самой природе регулируемого предмета не может исчерпывающе закрепить все технические, химические, медицинские и количественные параметры. Напротив, вопросы перечней контролируемых веществ, их производных аналогов, препаратов, смесей, критериев размеров и способов их суммирования относятся к числу специальных, динамичных и требующих оперативной актуализации вопросов. Их размещение на уровне подзаконного нормативного правового акта является допустимым при условии, что такой акт принят на основании закона, в пределах делегированных полномочий и не вводит ограничений, не предусмотренных законом.

Именно к такому виду регулирования относятся оспариваемые положения. Они не устанавливают новый запрет, не создают новый состав преступления, не расширяют круг наказуемых деяний за пределами уголовного закона и не освобождают сторону обвинения от обязанности доказывать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Их назначение состоит в нормативной конкретизации того, каким образом для

целей квалификации должны определяться размеры различных контролируемых веществ, препаратов и смесей, уже включенных в установленный режим государственного контроля.

4. Специальный характер рассматриваемого регулирования обусловлен повышенной общественной опасностью незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, необходимостью охраны жизни и здоровья населения, а также международными обязательствами Кыргызской Республики в данной сфере. Международные договоры о контроле над наркотическими средствами и психотропными веществами исходят из необходимости контроля не только чистых веществ, но и содержащих их препаратов и смесей, а также допускают принятие государствами более строгих мер, необходимых для защиты здоровья и благополучия населения.

С учетом этого конституционно значимым является то, что государство вправе формировать такой механизм контроля, который позволяет учитывать реальные формы незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, включая оборот препаратов, смесей, производных и аналогов. В данной сфере чрезмерная детализация исключительно на уровне закона могла бы ослабить способность правовой системы своевременно реагировать на появление новых веществ и способов их распространения. Поэтому подзаконная конкретизация при наличии прямой законодательной основы не только допустима, но и функционально необходима для реализации закона.

5. Довод заявителя о том, что примечания к Критериям исключают необходимость установления объективной стороны преступления и тем самым нарушают презумпцию невиновности, не подтверждается содержанием оспариваемого регулирования. Презумпция невиновности означает, что виновность лица, наличие всех признаков состава преступления, относимость, допустимость и достаточность доказательств подлежат установлению в порядке уголовного судопроизводства, а бремя

доказывания возлагается на сторону обвинения. Оспариваемые положения не изменяют этих конституционных и процессуальных требований.

Указание в Критериях на то, что по отдельным видам препаратов не требуется установления количества контролируемого вещества, содержащегося в них, либо массы экстрагируемого вещества, означает выбор нормативной методики определения размера соответствующего объекта контроля. Оно не означает, что органы следствия и суд освобождаются от обязанности установить факт наличия контролируемого вещества, его относимость к соответствующей позиции перечня, принадлежность изъятого объекта к препарату, смеси либо иному объекту контроля, обстоятельства его незаконного оборота, форму вины, роль лица и иные признаки состава преступления.

Следовательно, вопрос о том, была ли в конкретном уголовном деле проведена надлежащая судебно-химическая экспертиза, достаточно ли полно исследованы свойства изъятого вещества, правильно ли применены Критерии и верно ли квалифицировано деяние, относится к компетенции органов уголовного преследования и судов общей юрисдикции. Такие вопросы разрешаются посредством предусмотренных законом процессуальных средств защиты, включая заявление ходатайств, оспаривание доказательств, назначение дополнительных или повторных экспертиз и обжалование судебных решений. Они не могут быть превращены в предмет конституционного судопроизводства без выявления дефекта самого нормативного содержания.

6. Не образуют самостоятельного конституционно-правового вопроса и доводы заявителя о возможной несоразмерности последствий применения оспариваемых Критериев в конкретных ситуациях. Соразмерность уголовной ответственности обеспечивается не только техническими критериями размера вещества, но и всей системой уголовно-правовой и уголовно-процессуальной оценки: установлением фактических обстоятельств дела, формы вины, характера и степени общественной опасности, роли лица,

смягчающих и отягчающих обстоятельств, а также судебной индивидуализацией наказания в пределах закона.

Если заявитель полагает, что уполномоченный орган при утверждении либо применении Критериев вышел за пределы предоставленных законом полномочий, нарушил требования административной процедуры, не обеспечил достаточного научного, экспертного или регуляторного обоснования конкретных количественных показателей либо допустил несоответствие подзаконного акта закону, такие доводы могут являться предметом проверки в порядке административного судопроизводства. Именно административная юстиция предназначена для оценки законности действий и решений публичной администрации, соблюдения компетенции, процедуры, мотивированности и соразмерности административного регулирования в пределах закона.

Конституционное судопроизводство имеет иной предмет. Оно не проверяет целесообразность, научную оптимальность, экспертную достаточность либо административную обоснованность подзаконного акта как таковые, если из его нормативного содержания не следует противоречие Конституции. Поэтому доводы заявителя, даже будучи значимыми для уголовного, экспертного или административного спора, не свидетельствуют о необходимости открытия конституционного производства.

7. Довод заявителя о том, что коллегия судей фактически разрешила вопрос о конституционности оспариваемых положений по существу, также не может быть признан обоснованным. При решении вопроса о принятии обращения к производству коллегия судей вправе исследовать нормативное регулирование в объеме, необходимом для установления наличия или отсутствия конституционно-правовой неопределенности. Такая оценка не тождественна рассмотрению дела по существу, а служит мотивировочным основанием процессуального решения о допустимости обращения.

Иное понимание лишило бы стадию принятия обращения ее самостоятельного смысла, поскольку любое обращение, содержащее

утверждение о неконституционности, подлежало бы принятию к производству без проверки того, действительно ли оно ставит вопрос конституционного уровня. Между тем конституционная юстиция призвана рассматривать не все правовые споры, возникающие в связи с применением нормативных актов, а только те, в которых оспаривается нормативное содержание, способное затронуть основы конституционного правопорядка и гарантии прав и свобод.

8. Не может быть принят и довод заявителя о необоснованности ссылки коллегии судей на несоответствие обращения требованиям конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики». Из содержания обжалуемого определения следует, что основанием отказа явилось не механическое указание на формальный недостаток обращения, а вывод об отсутствии надлежащего правового обоснования неопределенности в вопросе соответствия оспариваемых положений Конституции. Приведенные заявителем аргументы преимущественно касаются выбранной государством модели подзаконной конкретизации, ее практического применения, содержания экспертных исследований и последствий для конкретного уголовного дела.

При таких обстоятельствах коллегия судей правомерно исходила из того, что обращение не содержит достаточных данных, подтверждающих наличие объективного сомнения в конституционности оспариваемого нормативного регулирования. Оспариваемое постановление принято во исполнение закона, действует в пределах законодательного поручения, регулирует специальные технические вопросы, которые по своей природе подлежат подзаконной конкретизации, и не содержит самостоятельных ограничительных мер, выходящих за пределы закона.

Таким образом, Конституционный суд приходит к выводу, что доводы жалобы не опровергают выводы коллегии судей об отсутствии оснований для принятия обращения к производству, соответственно, не находит оснований

для отмены определения коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 25 марта 2026 года.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 5 статьи 30, статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Жалобу Ногоева Акынбека Кубатбековича, представляющего интересы Буркуткалиева Хусейна Буркуткалиевича, на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 25 марта 2026 года оставить без удовлетворения.

2. Настоящее Постановление является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

№ _____